

Post Office

КОМУ: Г-НУ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

СЕРГЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ОТ: МАЙИ ТУРОВСКОЙ, МЮНХЕН

Дорогой Сережа,

как балетоману, Вам, конечно, повезло – Вы выросли в присутствии бесспорного кумира – Майи.

А я, как зритель десятилетий балета, успела повидать многих и разных кумиров.

Начинала аж с Гельцер, которую, хотите – верьте, запомнила в свои шесть лет в «Эсмеральде» с козочкой. Даже, говорят, крикнула на весь Большой: «Какая пушистка!», чем опозорила родителей. Она была очень энергетическая балерина, хотя иначе, чем Майя.

Тогда же была Викторина Кригер – характерная, очень темпераментная, я ее видела в «Пламени Парижа» и «Красном маке» – про Китай со знаменитым «Яблочком». Китайцы балет потом отвергли, так как для них мак – символ не революции, а проституции.

Потом была эпоха Семеновы: «Лебединое», «Спящая», «Раймонда» – короче, классика. Семенова была настоящая Королева на сцене по священному праву горошины. Впрочем, это Вы знаете от Вадима Гаевского. Если существует классика, то это Семенова.

При ней «субретка» Лепешинская – на бойкие партии.

Потом из Питера появилась Уланова. Как Достоевский после Толстого.

Она принесла на балетную сцену, может быть, главную составляющую русской культуры – страдание, разумеется, в преображенной балетной форме. С ней пришла, как главный балет, «Жизель». Если бы у нее был свой Щедрин, он должен был написать ей балеты о Нелли или Сонечке Мармеладовой. Но спасибо за «Ромео» и «Бахчисарайский». Сам ее арабеск – это символ русской культуры. «Город пышный, город бедный».

Но питерская школа – не одна Уланова. Помню, в аспирантуре я была в Ленинграде и пошла на ту же «Жизель» в Мариинке с Дудинской и Сергеевым. После Улановой!

Я сидела в первом ряду, и у меня из глаз непроизвольно текли слезы – не от жалости, а от совершенства. В Дудинской этой улановской ноты вовсе не было, но это было совершенство.

Тогда были и другие, например Шелест. Но как эпоха – это эпоха Улановой.

При нас появилась Майя. Я помню ее на выпуске в зальчике ВТО. Их представлял, кажется, Габович. В «Коньке-горбунке». Потом в «Дон Кихоте».

Были гастролы Чабукиани, он танцевал с Майей-Китри. Это было что-то невероятное – не просто балет, а балет-матч. Они выходили со своими вариациями и «перетанцовывали» друг друга. Публика чуть не заглушала музыку.

Ну и, конечно, «Кармен!» «Парадный» балет Майи («чеховские» балеты, кроме сплетен перед «Чайкой» и собственно «Чайки», я не очень любила, тем более «Анну». Уланова была «достоевской» без его сюжетов, а Майя не была «чеховской» – кроме опять же самой «Чайки»).

Можно вспоминать только «Лебединое», и это уже смена эпох, особенно если начинать с Павловой. Но просто зритель, не-собственно-балетоман, как я, конечно, прожил целые эпохи.

Просто Майя попала уже на те времена, когда стали выпускать, когда радикально изменились СМИ – а прочие обслуживали только тирана – и нам доставалось кое-что.

Это судьба русской культуры.

С приветом, М.

Эноб.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

№01

МАРТ
2016

16+

ДИАНА
ВИШНЕВА

а также

Николай Цискаридзе

Владимир Васильев

Анжелен Прельжокаж

Алексей Ратманский

Иван Васильев

и другие

в проекте

GRAND
PAS